

ДОЛИНА ЗУБРОВ

Дорогу преградил полосатый шлагбаум. Из аккуратного нового дома на наши сигналы вышла молодая женщина и пригласила зайти получить пропуск.

Я последовал за ней.

— Сколько вас человек?

— Восемь, — ответил я, осматривая пахнущую краской и известью пустую комнату.

Женщина подошла к плите, пока что заменяющей ей стол, и примялась старательно записывать в ученическую тетрадь сведения о нашей группе.

— Откуда прибыли?

— Из Кисловодска.

— Когда будете возвращаться?

Отвечаю, что завтра автобус уедет обратно, а мы уйдем через перевал на Большую Лабу и далее через Кавказский заповедник к Черному морю.

Получив разрешение на проезд, я вышел из дому. Шлагбаум поднят, и мы въехали на

территорию Архызского отделения Тебердинского госзаповедника.

Архыз! Отсюда расходятся многие туристские маршруты, ведущие через перевалы Главного Кавказского хребта и его отроги, к овеянному легендами озеру Рида, в солнечную Теберду, в романтическую Сванетию, в дебри Кавказского заповедника.

Вот туда-то, в заповедные девственные леса, где нашло себе убежище множество диких животных, в том числе и свирепые хищники — изредка еще встречающийся кавказский барс, рысь, дикий кот, — лежал наш многодневный путь. Мы шли на разведку нового туристского маршрута.

...Много дней мы были неразлучны с горной тропой: куда она — туда и мы. Вот поползла узенькая стежка на подъем, затем скрылась в лесу под тень вековых пихт, сбежала к речке, появилась вновь на другом берегу и, извиваясь по склонам гор, повела в синюю даль лесистых хребтов. И так день за днем тропа уверенно вела нас по долинам и ущельям,

по лесам и альпийским лугам.

Стояла тихая задумчивая осень. Зоревые листья клена, кружась, медленно опускались на землю. Горячими языками пламени горели на опушках строгих хвойных лесов молодые осинники. Сонно роняли с ветвей золотую листву стройные белоствольные березки. В поредевших рощах суетились запоздавшие стайки перелетных птиц.

Вечер застал нас в долине реки Большая Лаба, в поселке лесорубов Пхия. Здесь мы и заночевали в пустой школе.

Утро наступило теплое, солнечное. Воздух удивительно прозрачный. В лесу за поселком видны оранжево-красные гроздья рябины...

После завтрака мы сели на попутную машину, и она нас довезла до поселка. Задерживаться мы здесь не стали и двинулись дальше...

Уже стемнело, когда мы вышли на перевал.

Освещая себе путь фонариками, стали спускаться по извилистой, неизвестно куда ведущей

тропе. Углубились в заросли рододендрона, потом круто спустились к небольшому потоку и вышли на высокий противоположный берег.

— Давайте ночевать здесь, — слышались голоса.

Я прошел еще немного, и вдруг яркий луч фонарика выхватил из темноты какое-то строение с двухскатной крышей, крытой дранью. Открыл дверь и осветил довольно просторное помещение, очаг из камней, кем-то заботливо нарубленные дрова, охапку сена в углу.

Только утром, покидая место ночевки, мы смогли осмотреться — вот он знаменитый Кавказский заповедник! По богатству флоры и фауны, по разнообразию ландшафтов — это один из лучших заповедников мира.

Далеко внизу под лучами утреннего солнца в долине дремали не тронутые рукой человека старые леса. Они манили своей таинственностью и неизвестностью. Там сохранились, словно отрезанные от всего мира, глухие уголки, где, быть может, никогда не был человек и до сих пор обитают такие дикие животные, которые в других районах Кавказа совсем истреблены. Здесь же не считается невероятным случаем встреча с оленем на лесной тропе, с зубром, пасущимся на поляне, со стадом непуганых туров

или серн на альпийском лугу среди скал.

Через несколько минут ходьбы тропа углубилась в лес. Он завладел долинами и горными хребтами, густой, могучий, и от него веяло первобытной дикостью. Стройные, похожие на бронзовые колонны стволы сосен поддерживали раскинувшийся над головой темно-зеленый свод, сквозь который с трудом пробивались солнечные лучи. Толстый слой опавшей хвои заглушал шаги, и невольно хотелось говорить шепотом, чтобы не нарушать извечного покоя вековых лесов.

Вдруг мы увидели метрах в пятидесяти ниже нас, на поляне, огромное свирепого вида бородатое животное с поднятым сзади туловищем и с мощной грудью, густо заросшей длинной темно-коричневой шерстью. Зубр!

Вид дикого животного на свободе всегда волнует новизной и редкостью впечатления.

Зубр подозрительно смотрел на нас.

— Смотрите, вон малыши! — крикнул я, заметив в высокой траве трех зубрят.

Неподвижно, стоявшие и с любопытством смотревшие на нас зубрята вдруг игриво, вприпрыжку побежали к опушке леса. Зубриха не торопясь последовала за ними, и через минуту они скрылись в чаще.

В полдень тропа вывела нас к урочищу Умпырь, и мы пошли вдоль длинной бревенчатой ограды. Впоследствии узнали от егерей заповедника, что это вольер, где несколько лет назад содержались зубры до выпуска их на волю.

Вскоре вышли на живописную полянку, где расположен кордон заповедника. Сложили свои рюкзаки под старой дикой грушей; пока осматривались на новом месте, к нам подошел егерь и, попросив предъявить пропуск, сделал пометку на нем. Потом он отвел нам комнату в домике, где обычно ночуют туристы.

Пока дежурные готовили обед, мы разговорились с егерями и из их рассказов узнали много интересного о заповеднике. Особенно нас интересовали зубры, встреча с которыми произвела на нас большое впечатление.

Зубры водились в горных лесах с незапамятных времен. В семидесятых годах прошлого столетия их насчитывалось более двух тысяч. Заселение предгорий, которое началось в 70—80 годах прошлого века, все больше и больше оттесняло зубров с удобных мест зимовок в малоснежных долинах дальше в горы, где они гибли от бескормицы и снежных лавин.

Никто из диких обитателей кавказских гор не мог сравниться по силе

с могучими животными, и у них, пожалуй, был единственный враг — человек, который безжалостно преследовал и истреблял их на протяжении многих десятилетий.

В годы гражданской войны остатки разгромленных белых банд, скрывавшихся в горах Западного Кавказа, подвергли массовому истреблению зубров, а болезни довершили их истребление — остались только одиночки. Последний великан из мира животных Кавказа был убит браконьерами в 1928 году.

Научный коллектив заповедника добился немалых успехов в возрождении кавказского зубра. В 1940 году из степного заповедника Аскания-Нова доставили сюда несколько животных — дальних потомков кавказского зубра. Они в условиях вольного содержания прекрасно акклиматизировались. В 1961 году в стаде насчитывалось их более трехсот. Зубр суров и дик. Доверяться его внешнему спокойствию нельзя.

...Наша интересная беседа была прервана появлением девушки-геолога, которая сообщила егерям, что недалеко, за рекой, она только что видела на тропе мертвого дикого кабана. Подобный случай в заповеднике считается чрезвычайным происшествием. И все поспешили к указанному

месту.

Егеря-следопыты без труда разобрались, когда, при каких обстоятельствах разыгралась драма на зубровой тропе. Они не сомневались в правильности своих выводов, но не могли найти ответ лишь на один вопрос: почему зубры убили кабана? Ведь они часто мирно пасутся вместе.

Немало забот у егерей заповедника. Они наблюдают за жизнью животных, ведут их учет, оберегают от браконьеров, заготавливают сено на случай многоснежной зимы. В любую погоду: в снег, метель, дождь, ветер — егерь должен быть на своем участке работы — в лесу.

...В этот день нам предстояло пройти двадцать два километра до реки Чистой.

Хорошо было утром в лесу. Таких чудес, как здесь, нам еще не встречалось. Стояли огромные ели и пихты, могучие буки и многовековые тисы, представители древнейшей флоры Кавказа. Особенно поражают своими гигантскими размерами пихты, достигающие шестидесяти метров высоты. Их возраст исчисляется веками. Они так могучи и высоки, что порой горный ветер не в силах покачнуть их. Обхватить ствол такой пихты могут только три-четыре человека. Это

самые высокие деревья в нашей стране.

В сумрачных ельниках, увешанных длинными прядями седых лишайников, сраженные временем лесные великаны тлеют в сырости, обрастают зелеными подушками мха. Нас окружил таинственный полумрак — сюда не проникал солнечный луч даже в полуденный час.

Чем дальше в горы, тем более беспокойной становится Малая Лаба, с глухим шумом перекатывая по дну камни. Вода бурлила и клокотала на заломах, ощерившихся острыми сучьями и корнями. С крутых берегов клонились, готовые вот-вот рухнуть, подмытые деревья.

Рядом с тропой, у пихты, могила, обнесенная оградой из штакетника. На ней — засохшие венки и масса дощечек или просто заструганных с одной стороны палочек. Берем одну из них, читаем: «Вечная память неизвестному герою, павшему в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. От группы туристов».

Некоторые надписи сделаны простым карандашом. От длительного времени и непогоды они стали уже неразборчивыми. Медленно, слово за словом, восстанавливаем мы эти трогательно-теплые слова, порой написанные нетвердой рукой подростка. И здесь, в

глуши гор, эти слова глубокого уважения к праху неизвестного русского солдата звучали легендой.

...Солнце уже зашло за гребень гор, к облакам метнулись золотые стрелы лучей и погасли. Из чаши леса надвинулись сумерки, а мы еще не дошли до реки Чистой, к намеченному месту ночевки. Через час решили остановиться. Вскоре уже пылал жаркий костер.

Эта ночевка почему-то особенно запомнилась мне. Дикий и темный лес вокруг, наполненный таинственными шорохами и звуками: то треснет валежник или зашуршит опавшая листва под осторожными шагами зверя, то безмолвие ночи нарушится жуткими воплями филина...

Я проснулся рано и выглянул из палатки. Пробившись сквозь ветви и стволы сосен, солнечные лучи золотой полосой легли на место нашего бивака и тонкими стрелами пронизали заросли черники с оранжево-красной листвой.

От шумевшей вблизи реки пополз прозрачный туман. Он вытянулся длинными космами, а затем с величественной медлительностью плавно поплыл вниз по ущелью.

Осторожно, чтобы не разбудить спящих товарищей, я вылез из палатки. Откуда-то с перевала прилетел теплый

ветерок, погнался за стайкой сухих листьев, пошумел в соснах, раздул пепел угасшего костра, и исчез.

С места ночевки мы ушли в девятом часу. Покидая обжитое за ночь место, невольно с грустью оглядываешься. Придется ли снова побывать в этих местах, ходить по заповедным лесам, с волнением замирать при виде медведя или оленя, спокойно переходящих трону?..

Во второй половине дня мы уже стояли на последнем, по пути нашего маршрута, перевале Аишхо.

Здесь, на подступах к перевалу, в 1942 году Советская Армия остановила немецко-фашистских захватчиков, пытавшихся прорваться через Главный Кавказский хребет к Черноморскому побережью. И сейчас еще нередко попадаются то стреляные гильзы, то ржавые погнутые немецкие каски, то железные ящика от мин, то части какого-то военного снаряжения...

Насмотревшись вдоволь на великолепную панораму, мы стали быстро спускаться на юг и через час были уже в долине. Здесь природа иная по сравнению с северными склонами Главного хребта, более красочная и богатая, полная неожиданных красот. И небо здесь — неправдоподобно,

невероятно синее, невозможно даже подыскать точного слова, чтобы определить его синеву. И воздух другой — теплый, влажный. Чувствуется во всем близость моря.

Наш многодневный поход по дебрям Кавказского заповедника подошел к концу...